

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

В. И. Гуляев

ЦАРСКАЯ ГРОБНИЦА В ПАЛЕНКЕ: ЛЕГЕНДЫ И ФАКТЫ

*Светлой памяти мексиканского археолога
Альберто Руса Луилье посвящаю*

В один из жарких июньских дней 1952 г. в джунглях мексиканского штата Чьяпас, среди руин древнего города Паленке по крутой, усыпанной щебнем лестнице, ведущей на вершину многоярусной пирамиды, поднималась группа людей во главе с А. Русом. Там, на фоне бездонного голубого неба и быстро бегущих облаков гордо «парил» в воздухе изящный белоснежный храм с узорчатым гребнем на крыше. Но вот последние ступени преодолены, и люди, еще не переведя дух после невероятно тяжелого подъема, столпились на плоской вершине пирамиды. Отсюда, почти с 23-метровой высоты открывался удивительный вид на весь древний город, история которого насчитывала без малого десять столетий. Он существовал с конца I тысячелетия до н. э. по конец I тысячелетия н. э.

Очертания большинства его зданий едва угадывались под густым покровом вечнозеленых джунглей. Но в центре города сразу в нескольких местах над лесными зарослями встают, словно белые призраки, руины наиболее крупных архитектурных сооружений Паленке: квадратная, похожая на колокольню средневекового собора, башня дворца и грациозные храмы-близнецы на высоких пирамидальных основаниях — «Храм Солнца», «Храм Креста», «Храм Лиственного Креста», «Храм Надписей»¹.

Древние майя выбрали для строительства Паленке удивительно удачное место. С юга город был защищен стеной скалистых горных хребтов чьяпасской Сьерры. Бесчисленные группы зданий разбросаны по холмистой равнине, покрытой густым тропическим лесом и пересеченной множеством рек и ручьев, берущих начало в горах. Основная часть города (площадью около 19 га) расположена на естественной платформе-плато, которая возвышается над окружающей равниной почти на 60 м. Красоту местного пейзажа и удивительно гармоничное включение древней архитектуры в складки рельефа отмечают буквально все, кто там побывал. Руины Паленке обладают особым очарованием. Вот как описывает пер-

¹ Все названия в Паленке, в том числе и название самого города (*паленке* — исп. «изгородь», «ограда»), носят условный характер и зачастую даны современными исследователями по чисто случайным признакам. «Храм Надписей» был назван так потому, что в нем нашли плиту с длинной надписью из 620 иероглифов.

вую встречу с городом французский путешественник Мишель Пессель. «Величественные белые и серые здания на горном уступе поднимались над морем зелени, и все же джунгли не отступали от города, сбегая к нему по склонам окружающих гор. Эта картина в таком диком, безлюдном месте произвела на меня неотразимое впечатление. Руины вообще таят в себе особое романтическое очарование, а руины Паленке, возникающие так неожиданно среди бескрайнего лесного океана, просто потрясли. Здесь передо мной предстала загадка столетий, загадка цивилизации, погибшей и исчезнувшей, но все еще удивительным образом продолжающей жить в этих грандиозных постройках — свидетелях бывшего могущества и славы»². Близость Мексиканского залива и двух крупнейших рек Центральной Америки — Грихальвы и Усумасинты — облегчали городу связи с соседними областями.

Драгоценный зеленый нефрит, ломкий и острый как стекло обсидиан, причудливые морские раковины, отливающие изумрудным цветом перья царственной птицы кецаль из лесов Гватемалы, бобы какао и шкуры пятнистых ягуаров — да мало ли других диковинных товаров стекалось когда-то на многолюдные рынки Паленке. Расцвет города приходится на V—VIII вв. н. э. Его правители не раз покрывали себя славой на полях сражений. Его архитекторы воздвигли высокие пирамиды и храмы и заключили в каменную трубу норовистый ручей Отолум. Его жрецы изучали небесный свод, проникнув в самые глубокие тайны мироздания. Его художники и скульпторы воплотили в камне и алебастре свои бессмертные идеалы.

Но в конце I тысячелетия н. э. Паленке переживает явный упадок. Внутренние неурядицы и особенно нашествие воинственных племен извне подточили его жизненные силы, и город вскоре погиб, а его безмолвные руины были надежно спрятаны природой в непроходимой лесной чаще.

Паленке пришлось открывать заново уже в наши дни. И сделали это путешественники и ученые из многих стран Европы и Америки. Но самый значительный вклад внес в исследование города мексиканский археолог Альберто Рус Луилье — начальник крупной археологической экспедиции Национального института антропологии и истории (Мексика)³.

Мы не знаем наверняка, о чем именно думал он тогда, 15 июня 1952 г., стоя на вершине пирамиды «Храма Надписей». О былом ли величии древнего города, или же о тех невероятных трудностях, которые пришлось преодолеть ему и его коллегам на пути к заветной цели? Правда, теперь все это осталось позади. Еще одно последнее усилие и многовековая тайна пирамиды будет раскрыта. А началось все это ровно четыре года назад, когда Альберто Рус Луилье, выбирая объект для своих будущих исследований, обратил внимание на почти неизвестный до того архитектурный памятник — «Храм Надписей».

После первого же осмотра ученый заметил, что пол этого изящного трехкомнатного здания, в отличие от других храмов Паленке, был сложен из больших каменных плит, одна из которых имела по краям несколько отверстий, заткнутых каменными же пробками. Видимо, эти отверстия предназначались для поднимания и опускания плиты на свое место.

Изучая возможное назначение этой плиты, А. Рус Луилье обратил внимание на то, что стены храма уходят ниже уровня пола — явное доказательство того, что внизу имеется еще одна постройка. И действительно-

² М. Пессель. Затерянный мир Кинтана-Роо. М., 1969, с. 19—20.

³ Доктор Альберто Рус Луилье — руководитель Центра по изучению культуры майя при Национальном автономном университете г. Мехико, директор Национального музея антропологии, профессор, почетный член многих зарубежных академий и археологических обществ, скоропостижно скончался 25 августа 1979 г. в Монреале (Канада).

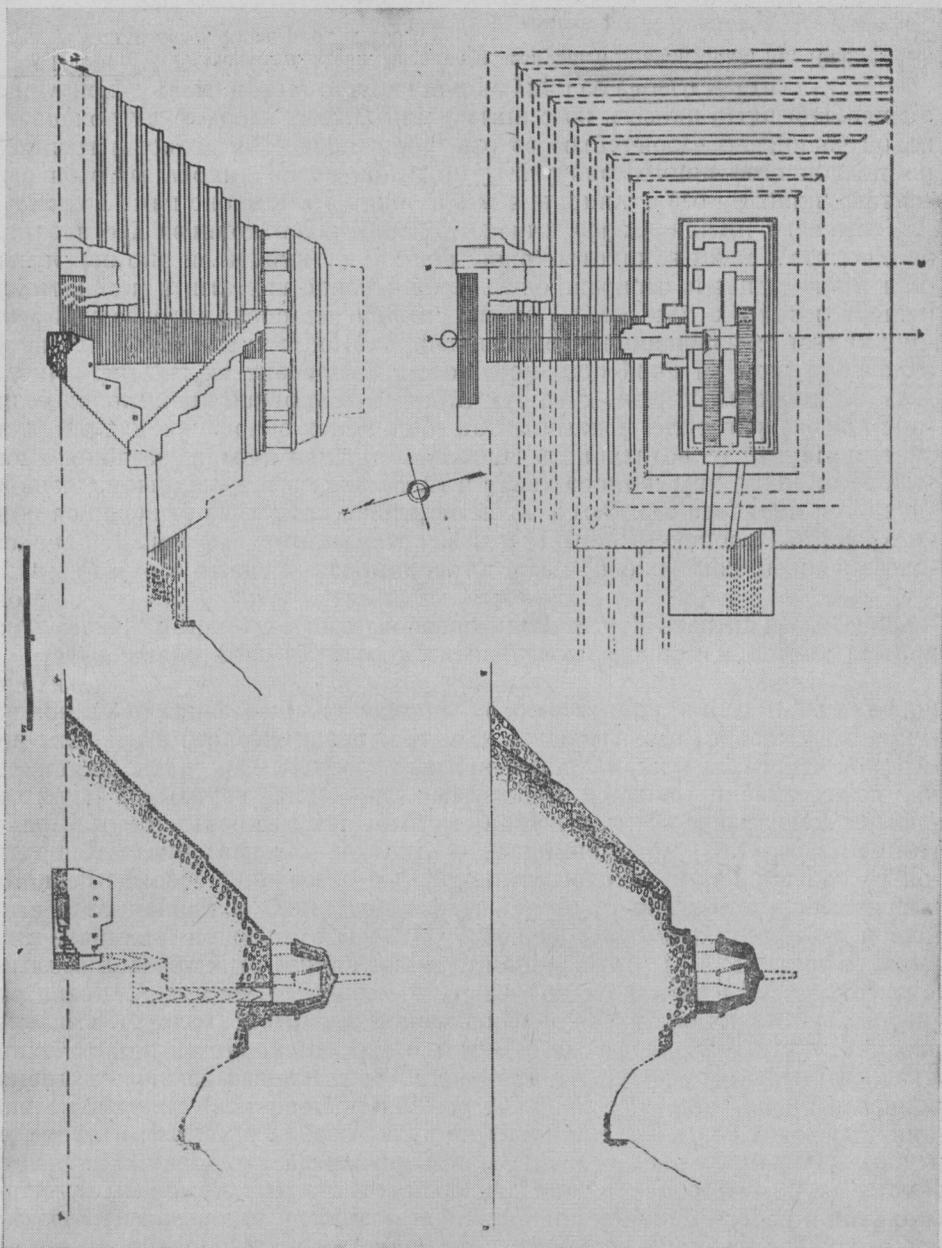

Рис. 1. План и разрез «Храма
Надписей», Паленке

но, подняв плиту и начав там раскопки, он вскоре обнаружил начало туннеля и несколько ступенек каменной лестницы, ведущей вниз, в глубинную гигантской пирамиды. Но и туннель, и лестница были плотно забиты громадными глыбами камня, щебнем и землей. Для того, чтобы преодолеть эту неожиданную преграду, потребовалось целых четыре полевых сезона тяжелого и мучительного труда. А каждый сезон длился по 2—3 месяца. Всего было расчищено два пролета лестницы с 66 крутыми ступеньками. В самом ее начале археологи нашли тайник с ритуальными приношениями в виде двух нефритовых колец, служивших у древних майя украшениями для ушей. Другое приношение лежало у подножия лестницы, в специальном каменном ящичке: ожерелья из нефритовых бус, большие раковины, наполненные красной краской, глиняные вазы и громадная жемчужина в 13 мм длиной.

Дальше путь был закрыт поперечной каменной стеной. Когда ее сломали, то вновь пришлось разбирать завалы из цементированного известковым раствором щебня. В конце концов коридор уперся в какую-то подземную камеру, вход в которую преграждала необычная, но вполне надежная «дверь» — гигантский треугольный камень весом более тонны. У входа в камеру в некоем подобии гробницы лежали плохо сохранившиеся скелеты пяти юношей и одной девушки, погибших насильственной смертью. Искусственно деформированная лобная часть черепа и следы инкрустаций на зубах говорят о том, что это не рабы, а представители знатных майяских фамилий, принесенные в жертву по какому-то особенно важному и торжественному случаю. Только теперь Русу стало ясно, что все потраченные усилия не были напрасными. 15 июня 1952 г. рабочие сдвинули, наконец, с места массивную треугольную «дверь» и ученый с волнением вступил под своды какого-то подземного помещения, таившего в себе множество неожиданных находок и сюрпризов. «Я вошел в эту таинственную комнату, — вспоминает А. Рус, — со странным чувством, естественным для того, кто впервые переступает порог тысячелетий. Я попытался увидеть все это глазами жрецов Паленке, когда они покидали склеп. Мне хотелось снять печать времени и услышать под этими тяжелыми сводами последний звук человеческого голоса. Я стремился понять то таинственное послание, которое оставили нам люди далекой эпохи»⁴.

Затем яркий свет ручного электрического фонаря прорезал сумрак подземелья, и археолог на мгновение потерял дар речи от всего увиденного.

«Из густого мрака, — вспоминает А. Рус, — неожиданно возникла сказочная картина фантастического неземного мира. Казалось, что это большой волшебный грот, высеченный во льду. Стены его сверкали и переливались, словно снежные кристаллы в лучах солнца. Как бахрома огромного занавеса, висели изящные фестоны сталактитов. А сталагмиты на полу выглядели, словно капли воды на гигантской оплывшей свече. Гробница напоминала заброшенный храм. По ее стенам шествовали скульптурные фигуры из алебаstra. Потом мой взор упал на пол. Его почти полностью закрывала огромная прекрасно сохранившаяся каменная плита с рельефными изображениями. Глядя на все это с благоговейным изумлением, я пытался описать красоту волшебного зрелища моим коллегам. Но они не верили до тех пор, пока, оттолкнув меня в сторону, не увидели эту великолепную картину своими собственными глазами»⁵.

Склеп имел около 9 м в длину и 4 м в ширину, а его высокий, сводчатый потолок уходил вверх почти на 7 м. Конструкция этой подземной комнаты была столь совершенной, что ее сохранность оказалась почти идеальной даже через тысячу лет. Камни стен и свода были вытесаны с таким искусством, что ни один из них не упал со своего места.

⁴ Цит. по Ч. Галленкампу. Майя. Загадка исчезнувшей цивилизации. М., 1966, с. 110.

⁵ Ч. Галленкамп. Указ. раб., с. 108.

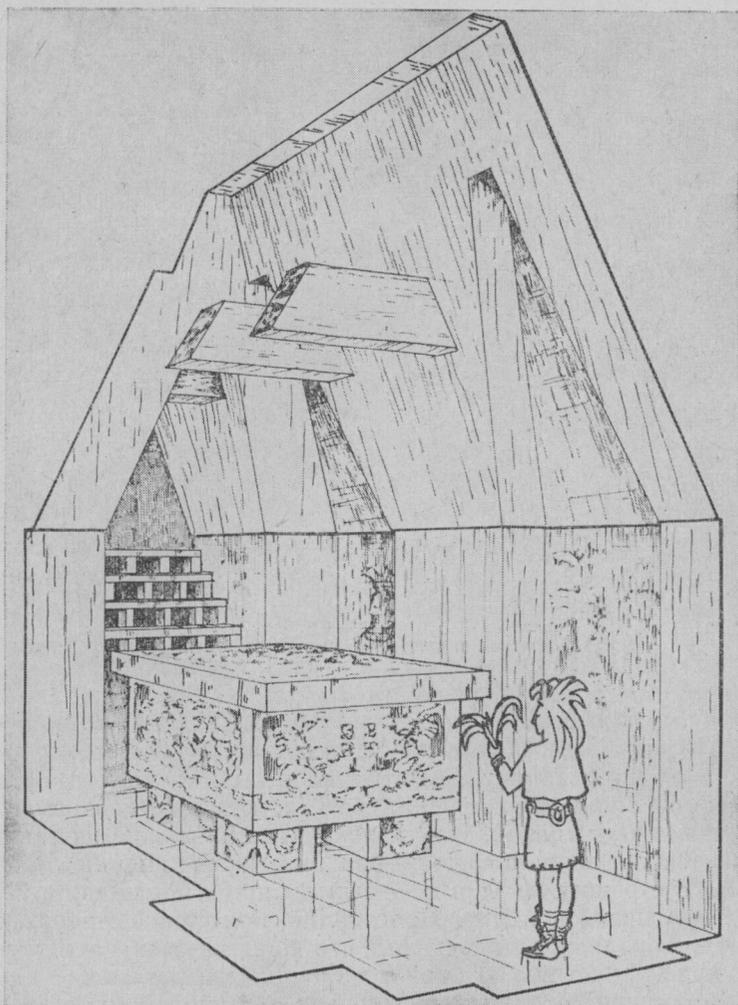

Рис. 2. Внутренний вид гробницы правителя (реконструкция)

На стенах склепа сквозь причудливую завесу сталактитов и сталагмитов проступали очертания 9 больших человеческих фигур, сделанных из алебаstra. Они были облачены в одинаковые пышные костюмы: головной убор из длинных перьев птицы кецаль, причудливая маска, плащ из перьев и нефритовых пластин, юбочка или набедренная повязка с поясом, который украшен тремя человеческими головками, сандалии из кожаных ремешков. Шея, грудь, кисти рук и ноги этих персонажей были буквально унизаны различными драгоценными украшениями. Они горделиво выставляли напоказ символы и атрибуты своего высокого социального положения: скипетры с рукоятью в виде головки змеи, маски бога дождя и круглые щиты с ликом бога солнца.

По мнению Альберто Руса, на стенах подземной камеры запечатлены Болон-ти-ку — девять «владык мрака» — правителей девяти подземных миров, согласно мифологии древних майя.

Первое время А. Рус не мог понять, что же он нашел — подземный храм или уникальную гробницу? Занимая большую часть комнаты, в ней стоял какой-то огромный каменный ящик, накрытый резной плитой размерами 3,8×2,2 м. Был ли это алтарь или крышка саркофага? Ученый склонялся сначала к первому предположению. Для того чтобы решить

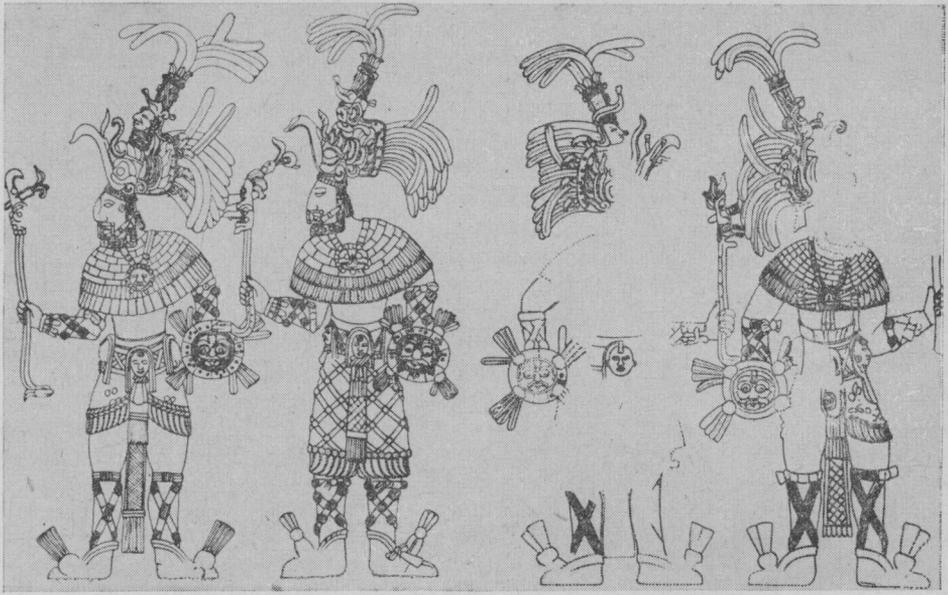

Рис. 3. Фигуры «Девяти владык подземного царства» на стенах гробницы правителя

эту загадку, нужно было поднять плиту и посмотреть, что же находится под ней. Но подобная операция представляла собой технически весьма сложную и опасную задачу. Ведь камень весил без малого 5 т и его покрывала тончайшая скульптурная резьба, которую следовало уберечь от малейших повреждений. Плита покоилась на ящике из таких же огромных камней, а ящик, в свою очередь, на шести каменных опорах. Для начала А. Рус решил проверить — был ли ящик полым внутри или это сплошной каменный монолит? Просверлив сбоку узкое отверстие и сунув туда кусок проволоки, он определил, что ящик внутри полый и содержит красную краску, частицы которой и прилипли к проволоке.

Теперь сомнений больше не оставалось. Каменный ящик представлял собой гигантский саркофаг — первый из саркофагов такого рода, найденный на территории майя. Дело в том, что красный цвет в космогонии майя — это цвет востока, цвет восходящего солнца, которое служило символом жизни и бессмертия. Именно по этой причине древние майя часто посыпали тела своих особо знатных и почитаемых покойников красной краской.

С помощью автомобильных домкратов и бревен тяжелая скульптурная плита была, в конце концов, поднята, и под ней показался массивный каменный блок со странной выемкой, напоминающей на первый взгляд рыбу. Выемку плотно закрывала специальная крышка, в точности повторяющая ее форму. В хвостовой части крышки имелось два отверстия, заткнутых каменными пробками, как и у той каменной плиты, что прикрывала тайный ход в полу храма.

Когда была удалена и эта, самая последняя, преграда, перед исследователями предстала необыкновенно яркая и красочная картина: внутри саркофага все было покрыто пурпурно-красной краской, а на этом эффектном фоне матово желтели кости крупного человеческого скелета и зелеными пятнами выделялись бесчисленные нефритовые украшения.

Из-за значительной влажности воздуха кости были очень хрупкими, но сохранились тем не менее почти целиком. Ученым удалось определить, что скелет принадлежал сильному и рослому мужчине в возрасте около 40—50 лет без каких-либо патологических недостатков.

Человек был погребен вместе со всеми своими украшениями из драгоценного нефрита. А одна нефритовая бусина была даже положена ему в рот — как плата для прохода в подземный мир, царство мрака и смерти. На черепе видны были остатки диадемы, сделанной из маленьких нефритовых дисков и пластин. Одна из пластин диадемы была украшена резным изображением головы Соца (Zotz) — страшного бога-вампира в образе летучей мыши из подземного царства смерти. Изящные тонкие трубочки из того же минерала служили в свое время для разделения длинных волос умершего на отдельные пряди. По обеим сторонам от черепа лежали массивные нефритовые «серьги», напоминающие собой большие катушки. Вокруг шеи обвивалось длинное, в несколько рядов ожерелье из нефритовых же бусинок. На запястьях каждой руки было найдено по браслету из 200 бусинок каждый. Возле ступней ног лежала чудесная нефритовая статуэтка, изображающая бога солнца. Мельчайшие остатки мозаики из нефритовых пластинок и раковин вместе с древесным тленом, обнаруженным на черепе, позволили буквально из праха реконструировать погребальную мозаичную маску, видимо, служившую точным портретом умершего. Глаза маски были сделаны из раковин, а зрачки — из обсидиана.

Скульптурная каменная плита, служившая верхней крышкой саркофага, была сплошь покрыта резьбой. На боковых ее гранях вырезана полоса из иероглифических знаков, среди которых есть и несколько календарных дат по эре майя, относящихся к VII в. н. э. На плоской наружной поверхности плиты резцом древнего мастера запечатлена какая-то глубоко символическая сцена. В нижней части мы видим страшную маску, одним своим видом напоминающую уже о разрушении и смерти: лишённые тканей и мышц челюсти и нос, большие клыки, огромные пустые глазницы. Это — не что иное как стилизованное изображение божества земли. У большинства народов доколумбовой Мексики оно выступало как некое страшное чудовище, питающееся живыми существами, поскольку все живое, умирая, возвращается в конце концов в землю. Его голову увенчивают четыре предмета, два из которых служат у майя символами смерти (раковина и знак, напоминающий наш символ %), а другие, напротив, ассоциируются с рождением и жизнью (зерно маиса и цветок или маисовый початок).

На маске чудовища сидит, слегка откинувшись назад, красивый юноша в богатой одежде и с драгоценными украшениями. Тело юноши обвивает фантастическое растение, выходящее из пасти чудовища. Он пристально смотрит вверх на крестообразный предмет, олицетворявший собой у древних майя «древо жизни», или, точнее, «источник жизни» — стилизованное растение маиса. На перекладине «креста» причудливо извивается гибкое тело змеи с двумя головами. Из пасти этих голов выглядывают какие-то маленькие и смешные человечки в масках бога дождя. По поверьям индейцев майя, змея всегда связана с небом, с небесной водой — дождем: тучи скользят по небу молчаливо и плавно, словно змеи, а молния — это не что иное как «огненная змея».

На верхушке «креста»-маиса сидит священная птица-кецаль, длинные изумрудные перья которой служили достойным украшением парадных головных уборов царей и верховных жрецов майя. Птица тоже облачена в маску бога дождя, а чуть ниже ее видны знаки, символизирующие воду и два небольших щита с личиной бога солнца.

Если бы речь шла о европейской гробнице античного времени или эпохи Возрождения, то мы бы наверняка сказали, что высеченная на плите фигура юноши — это образ погребенного под ней персонажа. Но в искусстве древних майя почти не было места показу индивидуальной личности, индивидуального человека. Там безраздельно господствовали религиозная символика и условность в передаче образов.

Рис. 4. Прорисовка рельефного изображения на крышке саркофага, «Храм Надписей», Паленке

Можно ли расшифровать сложный ребус из скульптурных картин, запечатленных на верхней крышке саркофага?

Альберто Рус после тщательного изучения всех имевшихся в его распоряжении источников дал следующее истолкование скульптурным мотивам гробницы из Паленке.

«Юноша, сидящий на маске чудовища земли, вероятно, одновременно олицетворяет собой и человека, которому суждено в один прекрасный день вернуться в лоно земли, и маис, зерно которого, чтобы прорасти, прежде должно быть погребено в землю. «Крест», на который так пристально смотрит этот человек, опять-таки символизирует маис — растение, появляющееся из земли на свет с помощью человека и природы, чтобы служить затем, в свою очередь, пищей для людей. С идеей ежегодного воскресения маиса у майя была тесно связана и идея собственного воскресения человека...»⁶

Касаясь глубокого внутреннего значения этого мотива, А. Рус приходит к выводу, что он вполне мог символизировать тягу человека к бессмертию. «Трудно решить, — пишет он, — изображает ли эта фигура обобщенный образ человека или это индивидуальное лицо, в честь которого был сооружен весь памятник. Судьба уже вынесла человеку свой приговор. Его должна поглотить земля, на которой он сейчас полулежит. Но, надеясь на бессмертие, он пристально смотрит на крест — символ маиса и, следовательно, самой жизни»⁷.

Эти верования, свойственные земледельческим народам, связаны с обожествлением сил природы и поклонением им, чтобы гарантировать выживание человеческого рода. Подобно тому, как Осирис — египетский бог пшеницы и растительности — заново рождается каждый год благодаря оплодотворяющему землю Нилу, куда хоронят его расчлененное на куски тело, так и у майя юный бог маиса возвращается к жизни в каждом урожае благодаря солнцу и дождю. В обоих случаях жизненный цикл главного сельскохозяйственного растения, интерпретируемый как смерть и воскресение божества, представляет для людей пример бессмертия.

Однако такой параллелизм не означает, конечно, наличия каких-либо культурных контактов между Египтом и Мексикой, цивилизации которых были разделены непроходимыми барьерами во времени и пространстве.

Массивные каменные «ножки» саркофага тоже были затейливо украшены низкорельефными изображениями. Какие-то сказочные персонажи в богатых одеждах словно «вырастали» из земли, показанной чисто символически — полосой и особым иероглифическим знаком. А рядом с ними видны побеги уже настоящих растений, увешанные плодами какао, тыквы и гуайявы.

Давая описание рельефов на боковинах саркофага, А. Рус подчеркивает следующее: «Изображение индивидов, которые «вырастают» из земли вместе с различными растениями, поддерживает нашу интерпретацию главного мотива погребальной плиты в том смысле, что жизненный цикл растений (главным образом — маиса, символизируемого крестом) связан с религиозными верованиями майя о воскресении и о бессмертии человека»⁸. На крышке саркофага находились обломки полусгнивших атрибутов власти и регалий погибшего владыки: пояс из кусочков нефрита с тремя антропоморфными масками и девятью сланцевыми привесками в виде «топориков», маленький круглый щит с маской

⁶ A. Ruz Lhuillier. La civilizacion de los antiguos Mayas. La Habana, 1974, p. 150—151.

⁷ Ч. Галленкамп. Указ. раб., с. 109.

⁸ A. Ruz Lhuillier. Exploraciones arqueologicas en Palenque en 1953.— «Anales del INAH», Instituto Nacional de Antropologia e Historia, t. X, № 39. Mexico, 1958, p. 115.

солярного божества и, вероятно, скипетр с фигуркой бога дождя наверху и змеиной головкой на конце рукоятки. Эти же атрибуты постоянно встречаются у персонажей высокого ранга, запечатленных бесчисленно число раз на рельефах, стелах, фресках, алтарях и резных деревянных притолоках из различных городов майя позднеклассического периода (Тикаль, Йашчилан, Копан, Киригуа, Вашактун, Пьедрас Неграс, Паленке). Возле саркофага прямо на полу были найдены две алебастровых головы, отбитые когда-то от больших, почти в человеческий рост статуй. Тот факт, что эти головы отбили от туловищ и поместили в качестве ритуальных приношений внутри гробницы, означал, вероятно, имитацию обряда человеческих жертвоприношений путем обезглавливания, который иногда практиковали у древних майя во время земледельческих праздников, связанных с культом маиса.

От саркофага шла вверх длинная каменная труба, оформленная в виде туловища змеи. Она заканчивалась в центральном помещении храма неподалеку от алтаря. Эту трубу А. Рус назвал «каналом для души», предназначенным, по его словам, для духовного общения жрецов и здравствующих членов царской фамилии с их почившим божественным предком, поскольку лестница после совершения похорон была засыпана обломками камней и между гробницей и храмом наверху существовала только магическая связь через «канал».

Колоссальный вес (20 т) и общие размеры каменного саркофага, видимо, исключали возможность его доставки вниз по узкой внутренней лесенке уже после завершения строительства храма. Следовательно, саркофаг и гробница в этом комплексе — главный элемент, а пирамида и храм — подчиненный. По всей вероятности, они были построены над готовой гробницей, чтобы защитить ее от разрушения, скрыть от непрошенных взоров и, наконец, для отправления культа погребенного внутри человека. «Не исключено, — подчеркивает А. Рус, — что погребенный в „Храме Надписей“ человек сам был вдохновителем и организатором строительства своей гигантской усыпальницы»⁹. Не приходится сомневаться и в том, кто был погребен в гробнице «Храма Надписей». Перечисленные выше черты погребального ритуала, человеческие жертвы, неизмеримо большие затраты общественного труда для сооружения этого гигантского мавзолея и, наконец, наличие атрибутов власти, хорошо известных нам по изображениям на рельефах и стелах классического времени, подтверждают мысль о том, что мы имеем здесь дело с погребением царя, правителя, *халач виника*. Таким образом, вполне возможно, что халач виник, как и египетские фараоны, сам руководил строительством своей будущей усыпальницы, наблюдая за тем, как медленно растут вверх каменные стены пирамиды. Когда работы подошли к концу, то оставалось только ждать дня смерти и похорон владыки города. И вот он наступил. Жители Паленке оказали умершему самые торжественные и высокие почести.

Гробница с останками правителя и несметными сокровищами, сопровождавшими его в «мир мрака и теней», были, несомненно, весьма заманчивой добычей для грабителей. Поэтому-то так тщательно была спрятана гробница в недрах пирамиды, а ход к ней плотно забит землей, щебнем и глыбами камня. Но духовная «связь» с почившим вождем тем не менее сохранялась. Жрецы во время пышных обрядов в храме, наверху пирамиды, время от времени с помощью трубы — «канала для души» — вызывали «дух» грозного халач виника и спрашивали у него совета.

Открытие царской гробницы в Паленке имело большое научное значение. Впервые на территории майя было найдено погребение в каменном саркофаге с великолепными скульптурными украшениями. Кроме того, удалось доказать, что древнеамериканские пирамиды использова-

⁹ A. Ruz Lhuillier. La civilizacion de los antiguos Mayas, p. 151.

лись не только как основания для храмовых зданий, но и для помещения внутри них гробниц наиболее знатных и почитаемых членов общества.

Внушительные масштабы погребальной камеры, высокохудожественные рельефы и колоссальный вес саркофага (превышающий 20 т), обилие нефритовых украшений и необычайная пышность ритуала, по словам А. Руса, свидетельствовали о наличии в Паленке вполне сложившейся иерархической социальной системы во главе с обожествляемым правителем, наподобие египетских фараонов.

Много новой и ценной научной информации получили в результате открытия гробницы в «Храме Надписей» и те исследователи, которые изучают искусство и религию древних майя. Погребенный в склепе человек был, бесспорно, правителем Паленке в VII в. н. э. Это, в свою очередь, заставило ученых искать и в других храмовых пирамидах городов древних майя спрятанные там захоронения умерших царей.

Первые результаты исследований в Паленке были опубликованы А. Русом еще в 50-х годах. Вполне естественно, что они отражали лишь самый первый и предварительный этап научного поиска и содержали целый ряд предположений, недомолвок и оговорок. Многие важные вопросы не нашли еще своего удовлетворительного решения. Потребовались годы упорного и интенсивного труда, прежде чем ученый смог выпустить в свет заключительную монографию о своих работах, содержащую исчерпывающую характеристику этого уникального архитектурного комплекса. Монография называлась «„Храм Надписей“ в Паленке» и была издана в г. Мехико в 1973 г.¹⁰

Открытие А. Руса в Паленке по своей научной и общеисторической значимости вполне сопоставимо с такими крупнейшими археологическими сенсациями XX в., как находка нетронутой гробницы фараона Тутанхамона в Египте или же раскопки некрополя шумерийских царей в Уре (Ирак).

Стоит ли удивляться, что столь яркий памятник древнеамериканской культуры вскоре привлек самое пристальное внимание не только ученых-американистов, но и широкой публики. В своем первом сообщении о находке в Паленке, опубликованном в широкой печати, А. Рус, касаясь общего облика погребенного в гробнице индивида, писал: «Мы были поражены его ростом, более высоким, чем у среднего индейца-майя сегодняшних дней; и тем, что его зубы не были подпилены или инкрустированы пиритом и нефритом, как это свойственно всем знатным майя... В конце концов мы пришли к выводу, что этот персонаж мог быть и немайяского происхождения, хотя и ясно, что он закончил свою жизнь в ранге одного из правителей Паленке...»¹¹.

Этого оказалось достаточным для того, чтобы вокруг гробницы в Паленке поднялась целая волна спекуляций и мистификаций. Так, например, появилась версия будто какой-то европеец пересек Атлантический океан задолго до Колумба и принес аборигенам Америки свет высокой культуры, управляя в Паленке в качестве обожествленного монарха. Рождению подобных гипотез во многом способствовали и уже порядком забытые, но не исчезнувшие совершенно из обихода дилетантов работы некоторых горе-археологов XIX в. среди руин Паленке. Таков был, например, граф Жан Фредерик де Вальдек — немного археолог, немного художник и немного... авантюрист. Результаты своего кратковременного пребывания в древнем городе он описал в книге «Живописное и археологическое путешествие по провинции Юкатан», появившейся в Париже в 1838 г. Как выяснилось впоследствии, он вовсе не был графом, и подставка его громкому титулу оказались и многие его рисунки скульптур из

¹⁰ A. Ruz Lhuillier. El Templo de las Inscripciones, Palenque. México, 1973.

¹¹ A. Ruz Lhuillier. The Pyramid Tomb of Palenque. In: L. Deuel (ed.). Conquistadors without swords. N. Y., 1967, p. 367.

Паленке, намеренно стилизованных им под римские и греческие образцы. Одного из правителей древних майя Вальдек изобразил во фригийском колпаке, а чисто американских хищных животных ягуаров превратил... в слонов.

Именно на почве подобных «фактов» пышным цветом расцвели когда-то красочные гипотезы о далеких трансокеанских плаваниях цивилизованных жителей древнего Ближнего Востока и Средиземноморья в «дикую» Америку и о зарождении там очагов высокой культуры под благотворным влиянием извне (Г. Э. Смит, У. Перри и др.). Стоит ли говорить, что все эти гипотезы не находят подтверждения. Наука не располагает пока какими-либо реальными доказательствами наличия трансатлантических связей населения Средиземноморья и Нового Света в доколумбову эпоху¹².

Однако еще более поразительные измышления по поводу царской гробницы в Паленке появились буквально несколько лет назад. В 1971 г. небезызвестный швейцарский «писатель» и археолог-дилетант Эрих фон Дэникен в своем нашумевшем бестселлере «Воспоминание о будущем» (по которому в ФРГ был позднее снят одноименный фильм) изложил свою точку зрения на содержание скульптурных изображений с крышки саркофага в «Храме Надписей».

«В 1953 году в Паленке... — утверждает Дэникен, — найден каменный рельеф, изображающий, по всей вероятности, бога Кукуматца (в Юкатане он называется Кукулькан)... Мы видим на нем человека, сидящего наклонившись вперед, в позе жокея или гонщика; в его экипаже любой нынешний ребенок узнает ракету. Она заострена спереди, снабжена странно изогнутыми выступами, похожими на всасывающие дюзы, а потом расширяется и заканчивается языками пламени. Человек, наклонившись вперед, обеими руками орудует со множеством непонятных контрольных приборов, а левой пяткой нажимает на какую-то педаль. Он одет целесообразно: в короткие клетчатые штаны с широким поясом, в куртку с модным сейчас японским воротом и с плотно охватывающими манжетами. Активна не только поза у столь отчетливо изображенного космонавта: перед самым лицом у него висит какой-то прибор, и он следит за ним пристально и внимательно».

Несколькими годами ранее, в 1968 г., советский писатель-фантаст А. Казанцев подробно изложил ту же самую «гипотезу» на страницах журнала «Техника — молодежи»¹³.

Но если от чистых эмоций обратиться к реальным фактам, то они будут отнюдь не в пользу сторонников «космических» гипотез.

Начать с того, что и в книге Э. Дэникена, и в статье А. Казанцева прорисовка изображения на каменной плите — крышке саркофага из «Храма Надписей» — дана в сильно искаженном виде. Обширные пространства резной поверхности плиты залиты черной краской, многие характерные детали смазаны, а отдельные части картины (в действительности никогда не связанные) соединены сплошной линией. Но главное — это тот ракурс, в котором изображена крышка саркофага: чтобы придать своему «космонавту» более естественную позу (наклон вперед и т. д.), оба автора намеренно поместили все изображение в неверном положении, сделав основанием левый боковой край плиты. В результате подобного искажения многие детали скульптурной композиции — птица кецаль, маска божества земли и др. — предстают перед зрителем в совершенно неестественном виде: вниз головой или боком.

Если смотреть на рельеф саркофага правильно (см. рис. 4), то мы увидим, что изображенный там юноша сидит, заметно откинувшись на-

¹² Подробнее об этом см. В. И. Гуляев. Сколько раз открывали Америку? М., 1978.

¹³ А. Казанцев. Каменный пращур ракеты? — «Техника — молодежи», № 1. М., 1968, с. 34—36.

зад, на спину и пристально смотрит вверх — на крестообразный предмет. Юноша облачен отнюдь не в «клетчатые штаны», как пишет Э. Дэникен, — их майя не знали, так же, впрочем, как греки и римляне, и не в японскую куртку с манжетами, а всего лишь в набедренную повязку. Тело, руки и ноги юноши обнажены, хотя и украшены браслетами и бусами из нефритовых пластинок.

Наконец, все основные элементы изображения с крышки саркофага из «Храма Надписей» — крест («древо жизни») с птицей наверху, маска чудовища земли и т. д. — представлены в разных вариациях и в ряде других храмов Паленке. В этих случаях, видимо, даже самое горячее воображение не усмотрит контуров космической ракеты в причудливых изгибах майяского «креста» — символа маиса, символа жизни, символа плодородия.

Не успели утихнуть страсти по поводу «космических пришельцев» в стране майя, как у первооткрывателя гробницы в Паленке появился еще более грозный противник. В погоне за дешевой популярностью некоторые профессиональные ученые США поспешили выдвинуть столь экстравагантную гипотезу об умершем правителе древнего города, что перед нею меркнут даже фантазии Эриха фон Дэникена.

В 1975 г. на страницах журнала «Нэшнл Географик» два известных специалиста по культуре и искусству древних майя — Дэвид Келли и Мерл Грин Робертсон, после анализа изображения на верхней плите саркофага и «прочтения» иероглифических надписей на ней, объявили о рождении новой научной сенсации. Оказывается, в гробнице «Храма Надписей» был похоронен ветхий старик в возрасте свыше 80 лет. Его имя «читается», якобы, как «Пакаль» (майяск. — «щит») на том основании, что знак щита встречается иногда в надписях на саркофаге. Дальше — больше. Сославшись на некоторые из календарных дат, высеченных на крышке саркофага, М. Робертсон и Д. Келли утверждали будто Пакаль был правителем Паленке с 615 по 683 г. н. э. Центральную фигуру, запечатленную на верхней скульптурной плите царского захоронения, они стали считать точным портретом умершего. И найдя какие-то незначительные искривления на правой ступне изображенного там персонажа, американские археологи объявили Пакаля лицом, страдавшим от патологической деформации ног, что было связано, якобы, с практикой кровосмесительных браков внутри правящей династии Паленке. Они утверждали также (на основе весьма вольной трактовки некоторых иероглифических надписей), что Пакаль был женат уже с 12-летнего возраста, сначала на своей матери, а потом — на родной сестре. При жизни Пакаль был, по словам М. Робертсон и Д. Келли, человеком небольшого, почти карликового роста, что также свидетельствовало о физическом вырождении царского рода¹⁴.

Падкие на сенсацию телевизионные компании и пресса США и некоторых стран Латинской Америки поспешили разнести эти откровения американских ученых по всему свету. И почивший почти 13 веков назад правитель Паленке вновь стал предметом самого пристального внимания и широкой публики, и специалистов.

А. Рус Луилье, до глубины души возмущенный той свистопляской, которая развернулась вокруг многострадальной гробницы из «Храма Надписей», вынужден был выступить в одном из мексиканских журналов со специальной статьей-опровержением, чтобы дать достойный ответ фальсификаторам науки¹⁵.

Еще раз тщательно изучив все имевшиеся в его распоряжении факты, А. Рус установил, что персонаж, погребенный под пирамидой «Храма

¹⁴ H. La Fay. The Maya. Children of time.— «National Geographic», v. 148, № 6, Washington, 1975, p. 755—762.

¹⁵ A. Ruz Lhuillier. Lo que se sabe y lo que no se sabe de Palenque.— «Revista del Sureste», año 11, № 5. Mexico, 1977, p. 14—17.

Надписей», был одним из наиболее выдающихся правителей Паленке во второй половине VII в. н. э.: он родился в 655 г. и умер в 694 г. «Этот великий правитель,— продолжает А. Рус,— родился в день 8 Ахав майяского ритуального календаря и соответственно должен был получить имя данного дня, а именно „Вошок Ахав“ (Wōxōk Ahaw) на языке чоль — одним из диалектов языка майя, на котором до сих пор говорят индейцы в районе Паленке»¹⁶.

Полное имя умершего властителя или же его характерное прозвище пока остаются неизвестными. Однако нет никаких оснований называть его Пакалем («Щитом»). «В действительности,— подчеркивает А. Рус,— щит (обычно с маской солнечного божества) служил символом власти, который имели персонажи, изображенные на стелах и рельефах во многих городах древних майя, включая и Паленке... В качестве иероглифа щит известен в надписях из различных майяских центров и употребляется там в самых разных значениях»¹⁷.

Повторное изучение скелета правителя мексиканскими антропологами подтвердило, что умерший был рослым и крепким мужчиной в возрасте около 40 лет без каких-либо следов патологических врожденных дефектов. «Поэтому,— говорит А. Рус,— абсолютно лишено оснований мнение будто он был косолапый, а его правая ступня демонстрирует врожденное искривление, связанное с практикой кровосмесительных браков в правящей династии Паленке. Предполагаемая деформация ступни в действительности вполне объяснима намерением древнего скульптора изобразить ее в заднем ракурсе, позади левой ступни, которая помещена на переднем плане»¹⁸. Не может также быть и речи о том, что великий правитель Паленке был хилым, согбленным карликом. Внушительный даже по нашим стандартам рост в 1,73 м. должен был казаться древним обитателям города поистине гигантским, поскольку средний рост индейца майя составляет по сведениям этнографов не более 1,5—1,6 м. Дважды осуществленные мексиканскими антропологами тщательные исследования костных останков человека, погребенного в гробнице «Храма Надписей», со всей очевидностью доказали, что в данном случае речь идет о человеке в возрасте до 40 лет. Это подтверждается и чтением календарных иероглифов на саркофаге с датами жизни правителя (655—694 гг. н. э.), которое было произведено А. Русом Луилье.

Со своей стороны М. Г. Робертсон и Д. Келли строят свои выводы о «преклонном» (свыше 80 лет) возрасте «Пакаля» исключительно на туманном толковании некалендарных иероглифических текстов из гробницы, чтение которых на современном уровне наших знаний весьма проблематично.

Антропологи, буквально по кусочкам собрав из обломков череп умершего правителя, смогли доказать, что его голова была спереди искусственно деформирована, а зубы — фигурно подпилены, как того и требовали аристократические каноны майяской красоты. Следовательно, перед нами — типичный индеец майя.

Завершая критический разбор многочисленных измышлений и фальсификаций по поводу гробницы в «Храме Надписей», А. Рус совершенно справедливо подчеркнул, что между высказываниями о пришельцах из космоса и псевдонаучными фантазиями о правителе-уродце существует глубокое внутреннее родство.

«Между этим предполагаемым пришельцем из космоса и „сеньором Пакалем“ существуют только количественные различия. И та и другая точки зрения всецело являются продуктами фантазии. Их создатели, хотя и по самым разным причинам, абсолютно равноценны в разгуле

¹⁶ Там же, с. 16.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

своего воображения, в чрезмерной погоне за сенсацией и в искаженном использовании данных науки»¹⁹.

Но жизнь любой сенсации недолговечна. Быстро увядают и мертворожденные цветы беспочвенных гипотез и фантазий. Только подлинно научные открытия и факты способны выдержать беспощадную проверку временем. Именно на этой основе заложен фундамент и возведено грандиозное здание современной науки, в котором по праву заняла свое место археология. И среди тех, кто оставил после себя заметный след в истории американской археологии, находится, безусловно, и выдающийся мексиканский ученый Альберто Рус Луилье. Его имя навсегда связано теперь с изучением культуры древних майя, с Паленке и знаменитой гробницей в «Храме Надписей». А его богатое научное наследие — многочисленные книги и статьи, раскопанные скульптуры и реставрированные храмы — еще долго будет служить людям, помогая познавать красоту давно исчезнувших цивилизаций и отличать ценности подлинные от ценностей мнимых.

¹⁹ А. Ruz Lhuillier. Lo que se sabe y lo que no se sabe de Palenque, p. 16.